

23.11.2009. Саратов

Беседовала Ирина Крайнова

О ТЕАТРЕ

- Критика традиционно отмечает высокий класс вашей игры. Два полюса - Горацио и Клавдий, между которыми можно свободно разместить все остальные страсти и оттенки чувств. Сложнее играть героев со знаком плюс или минус?

Давно уже нет этого разделения героев на плюс и минус. Клавдия я играю в театре «АпАрТе», в постановке режиссера Гарольда Стрелкова (он сейчас в Питере главный режиссёр театра Ленсовета). Я не сужу короля – убийцу. И этим, наверное, я его оправдываю. Стрелковский Клавдий - один из самых мучающихся героев спектакля. У Шекспира все задают себе вопросы, и окончательно оправдать нельзя никого. Все живые люди, каждый стоит перед своим выбором.

Эти истории с Гамлетом еще до Шекспира существовали. Он взял историю, которая была уже известна. Гамлеты мстили за отцов, и это казалось правильно. Новаторство Шекспира, по словам театроведа Алексея Барташевича, в том, что его Гамлет впервые начал сомневаться. Правильно, ли то, что он делает? Дух, который пришел, кто он? Может, он дьявол? И Гамлет так до конца на этот вопрос не отвечает. Он еще не христианин, но хотя бы уже начинает задумываться - внутри своей совести. Как я здесь живу, зачем я здесь живу или хотя бы в связи с чем я живу? Если я не могу исправиться, то я хотя бы хочу исправиться, хоть как-то настраиваюсь. Я беру на себя ответственность за свои поступки **здесь и сейчас**. Почему эта пьеса на все века? Сомнения - самое ценное в ней. Стрелковский «Гамлет» - это хороший, интересный спектакль, со своей режиссерской версией. Мы и сейчас его играем.

Питер Штайн поставил своего «Гамлета» в 1998 году, по приглашению международной конфедерации театральных союзов. Там я был Горацио. Благодаря тому, что мы много гастролировали с ним (побывали в Европе, и США, и в Японии) постепенно мы научились его играть, и, по-моему, делали это довольно хорошо. Женя Миронов играл на саксофоне – он исполнял роль Гамлета. А мой Горацио - молчаливый свидетель происходящего. Многие монологи Гамлета адресовались ему. Я вообще то, никогда не мечтал сыграть Гамлета. Внутренне гамлетовские вопросы мне не близки. Интересней быть Горацио - рядом с Гамлетом Миронова. Пару раз он вообще играл грандиозно, ну а , в основном - очень хорошо.

Как режиссер я начинал ставить еще в театре Надежды Бабкиной, делал там этно-представления небольшие, потом была «Дурочка» - чудный драматический материал. Я бы сказал, что я режиссер постольку, поскольку есть материал, который я хочу поставить. Никто за него не берется по разным причинам. А мне все равно хочется, потому что мне кажется, что это важно **здесь и сейчас**. Хочется как актеру, чтоб этот материал жил, прорастал. Спектакль ведь как ребенок. Ты его рожаешь, он будет расти, выкидывать свои номера, но ты его желал. Именно его. Я не думал, что стану режиссером. Мы долго репетировали «После занавеса», думали, что кого-то позовем. В конце концов, стали снимать репетиции на видео, смотреть со стороны - и сложили все сами. У нас хорошая команда, отличные костюмы, очень хорошие декорации. Их делали профессиональные люди, с большим вкусом.

Я хотел поставить классику, а с другой стороны, понимал, что классика нужна в преломлении современной драматургии. Классики и так ставится очень много. Но хотелось найти автора с уважением к Антону Павловичу, в его духе. И я нашел такого автора. Брайан Фрил - ему уже за 80, его называют английским Чеховым, в честь него проводится театральный фестиваль. Он живет в Лондоне, всю жизнь переводит Антон Павловича, перевел, по-моему, уже всего. Пьеса «После занавеса» - первая постановка в России. На неё я получил грант правительства Москвы. Идут переговоры с автором о показе в Англии.

В спектакле все роли мы играем с Мариной Кангелари, моей женой. Она играла на Таганке, играла в театре Сатириконе Константина Райкина. Теперь она вместе со мной в моём продюсерском центре.

О ЗРИТЕЛЕ

- Ради чего стоит заниматься театром?

Если я играю в спектакле, который не очень люблю, в котором я давно, и я просто тут работаю - мне это уже не интересно. Нет, я стараюсь играть то, что я хочу, для тех, для кого хочу. И мне важно, чтобы свое отношение публика выразила не только традиционным похлопыванием. Она похлопает, выйдет и мгновенно всё забудет. Ради этого вообще не надо заниматься театром. Театр - это форма общения. Уникальная форма, где люди могут обменяться опытом **здесь и сейчас**. Не только на уровне текста. Посади, к примеру, на мое место Виктюка, Васильева, какого-нибудь дядю Васю, они будут говорить те же слова. Но мотивы текста будут разные, смыслы разные. В театре происходит не обмен словами или образами, там существует то, что нигде не существует. Зритель, даже не подозревая, вносит в спектакль свои коррективы. Актер всегда чувствует, чего хочет зритель. Спектакль - это как литургия, в переводе с древнегреческого, действие, **полезное для всех**. А когда на сцене происходит то, что зрителю не интересно, он выходит после спектакля выжатый, как лимон. Два дня не может в себя прийти. Бывает и наоборот. Актер выкладывается весь, потом полгода восстанавливается, но зритель остается равнодушным. Я не хочу ни того и ни другого. Если актеры любят ту историю, которую они показывают, если люди в зале тоже этой историей заражаются, потому, что она имеет отношение к их жизни, то не нужны никакие унитазы на голове, никакие лазерные шоу (хотя и они могут быть, если происходит общение). Театр - это **уважительный обмен человеческим опытом**, потому что живем мы опять же **здесь и сейчас**, в пространстве и во времени. Никто не знает, «разлила ли уже Аннушка масло на рельсы» и не попросят ли и нас уже «выйти из зала». Все мы здесь на Земле «по приглашению». В любой момент все может закончиться для каждого из нас. Но есть момент нашей встречи, есть **театр**. Театр может соединить эти два условия - **здесь и сейчас**. Мы должны **совпасть** с нашим зрителем. Так давайте же «обменяемся»!

О ПРОФЕССИИ И О ЖИЗНИ

-Вы сыграли в кино достаточно ролей. Но всем запомнился именно царевич Алексей. Отзывы в прессе были, что он «переиграл Петра».

Все это ерунда, конечно. Но с ролью Алексея чудеса были. Я был студентом 4 курса. И вдруг меня позвали, за руку привели, дали совершенно грандиозный сценарий. И режиссер грандиозный - Виталий Мельников. Тихий, незаметный, но снявший кучу роскошных фильмов - «Утиная охота», «Старший сын». Команда, которая там была, дружно все сделала, все мне помогали - и всё сложилось. Я читал подлинные письма Алексея. Он у нас в фильме воплощение совести. Петр - ум, воля, но никак не совесть. И никто не «неправ». У каждого своя правда, хочется, чтобы они все сложились в одну истину. Наша версия - художественно-правдивая.

Предлагали мне сыграть роль сына Петра I и в телесериале про дворцовые перевороты. Я подумал, что это будет неправильно. После авторского кино это немножко напоминает открытки, «ожившие картинки». А в историческом «Империя под ударом» я сыграл. Честно пытался сниматься в милицейско-бандитских сериалах. Но понял, что это не мое. Я абсолютно ничего не чувствую. Ни в роли милиционера, ни в роли преступника или наркомана. Мне возразят, что там и задачи нет что-то чувствовать. А у меня есть! Я по-другому отношусь к профессии. Мне очень понравилось, как Алексей Баталов ответил, почему он не снимается в сериалах: «Снимешься в первой серии, а в десятой напишут, что ты изнасиловал курицу!»

Я вообще не очень понимаю, как можно сниматься в чем-то, не зная, чем это закончится. Нет ощущения целого. И мне кажется, что талант - это не раз и навсегда данность. Он дается не вообще, а в связи с чем-то, для чего-то. И его можно закопать в землю или пропить, «разменять». Нет сейчас хороших авторов на телевидении, проблемы с современной драматургией, вообще все разобщены. Поэтому, чтобы сделать что-то целое, мне приходится самому искать материал, ставить, играть. А не потому что я такой способный- «расспособный».

Режиссера Вадима Островского, поставившего фильм «Важнее чем любовь», где играл и я, пригласили в телепроект «Планета православия». Это грандиозный многосерийный проект посвященный воссоединению русской и зарубежной православной церкви. Меня пригласили ведущим в серию «Австралия и Индонезия». Это была незабываемая поездка. Мне посчастливилось общаться с русскими православными людьми, потомками эмигрантов первой и второй волны. В Сиднее и в Мельбурне несколько больших храмов. Был я и в монастыре под Канберрой. Два часа на машине через австралийский лес: попугаи, кенгуру - и вдруг православный храм. Люди, с которыми мы общались, - это люди, сохранившие **другой** русский язык, **другую** русскую культуру, нашу веру. Они двуязычные (владеют и английским). Неподдельно интересуются всем, что у нас происходит. Церковь там - самое важное место для

общения, где есть литература, куда нужно обязательно привести детей. Кстати, православные храмы в Австралии эмигранты сами же по кирпичику и строили.